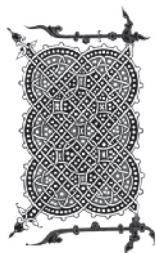

© 2021 О. В. Кириченко
Москва, Россия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «НОВЫЕ СКИФЫ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена истории становления и функционирования общественно-политического движения «Новые скифы», возникшего в начале 2010-х годов на идейной платформе, близкой к евразийцам и неоевразийцам. Движение возглавил один из участников молодежного крыла евразийцев П. В. Зарифуллин, он же стал главным его идейным вдохновителем. «Новые скифы» опираются на наследие Л. Н. Гумилева, но берут за точку отсчета не степняков вообще (тюрков, монгольские племена и др.), а древних скифов. Поэтому свою мировоззренческую задачу они видят в смене вектора российской истории, вместо праславянской основы они обращаются к древнескифской. Анализируя основные письменные труды Зарифуллина, а также учитывая его видеовыступления, автор статьи приходит к выводу об использовании парарелигиозных методов, близких к сектантским, для привлечения единомышленников. Движение имеет деструктивный характер, в идейном багаже его основателя немало русофобии, антицерковных (против православия) высказываний, и в целом этот утопический проект предполагает идейное освобождение территории от всего имеющегося исторического наследия.

Ключевые слова: общественно-политическое движение, «Новые скифы», П. В. Зарифуллин, евразийство, неоевразийство, Л. Н. Гумилев, парарелигиозная деятельность, сектантство, исторический и этнический радикализм.

Статья выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН, проект «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 27. С. 68–86

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.09; 82–96; 397; ББК – 63.3 (2Рос.); 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/68-86>

«Скифство» как общественно-политическое движение появилось в России вместе с революцией 1917 г. и рассматривалось тогда литераторами и художниками Серебряного века как литературный манифест. Организатором движения стал литературовед и писатель Р. В. Иванов-Разумник, активными участниками – А. Белый, А. Блок, С. Есенин, Н. Клюев и др. Однако скоро это движение, имея тесные контакты с партией левых эсеров, стало связывать себя с политическими задачами, в силу чего вступило в яростную борьбу за место под солнцем с властителями новой России – большевиками, что и определило скорый закат «скифов». Но энергетика «скифства» была такова, что даже рассеянное репрессиями большевистской власти оно сохранилось в памяти людей, читавших и чтущих А. Блока, С. Есенина и др. Оно не ушло, как евразийство, за границу, хотя, вполне возможно, повлияло на это движение; оно растворилось в советской России.

Возрождение движения под именем «Новых скифов» произошло в 2010-е годы, но уже на новой основе. Короткий век «Скифов» времен революции и отсутствие научной историографии о них не давали необходимой, достаточной точки опоры для «Новых скифов», пожелавших возродить это движение в постсоветской России. Надо учитывать и то, что, в отличие от евразийцев, «скифство» никак не проявило себя в советский период, после разгрома, хотя самой темой скифов как народа, конечно же, в СССР занималось немало историков и археологов. Хотя неоевразийство появилось в постсоветский период намного раньше «Новых скифов», первичными все же следует считать «скифов», а не евразийцев. Первые породили вторых, а не наоборот.

Тем не менее в постсоветский период движение «Новых скифов» выросло из молодежного движения неоевразийцев, созданного в начале 1990-х А. Г. Дугиным. Последний хотя и заявил о своем правопреемстве от классических евразийцев (русской эмигрантской школы и в СССР – Л. Н. Гумилева), но все же мировоззренческое формирование его проходило в постюжинском кружке московских интеллектуалов-постмодернистов, включавшем такие имена, как Ю. Мамлеев, Е. Головин, Г. Джемаль и др. Безусловно, здесь надо искать и истоки «скифства», хотя основатель «Новых скифов» познакомился с «южинцами» опосредованно, через Дугина, который и сам не застал классического времени существования южинского кружка, как и сам дом, где находилась известная квартира Мамлеева в Южинском переулке. Тем не менее интеллектуальная атмосфера кружка, очевидно, все-таки оказала влияние на мысли и чувства основателя «Новых скифов» П. В. Зарифуллина, и он включился в скифский мифопоэтический творческий про-

цесс именно в русле этого течения, где «главным импульсом, двигателем... было стремление понять и войти в то, что мир не вместил» (Ю. Мамлеев).

Как пишет Ю. Мамлеев в воспоминаниях, для южинцев был характерен культ А. Блока. Для них он был не только «величайший поэт», но «пророк, и творец “странного мира”, и искатель надмирной женственности» (Мамлеев 2017: 63), которую каждый понимал по-своему. Культ Блока в этой среде соседствовал с глубоким мистическим отношением к другим великим – Достоевскому и Есенину. Эти три фигуры южинцы рассматривали как пророков уровня более высокого, чем великие философы, открывшие суть происходящего с Россией и ее народами в XX в. Безусловен позитивный посыл этого внимания, сочувствие и симпатии к народу, претерпевшему страшные испытания: «И Россия, и русский народ оказались зажатыми в тисках между мировым вампиризмом капитализма, развязавшего войну, и яростным, кровожадным, разрушительным бунтом доведенных до отчаяния масс» (Мамлеев 2017: 77). И такая позиция при всей левизне южинцев, тем не менее, отделяла их от позиции Блока, приветствовавшего эту «стихию масс», воспевавшего ее и творимое ею разрушение. Мамлеев же, имея перед глазами опыт всего XX в., вынужден был давать другую оценку последствиям революции 1917 г. «Рухнуло всё, на чем стояло человечество. История знает кровь и смерть, но они никогда не сопровождалась таким духом мрака, безверия, атеизма, скрытого и явного, как будто человек забыл о своем божественном происхождении и превратил себя в виртуальную пародию, поверив во все мыслимые и немыслимые заблуждения о своей сути и происхождении. Профанация профанированного заменила религию и Бога. России выпало на долю это чудовищное испытание, и она его выдержала» (Мамлеев 2017: 78). Южинцы сочетали в своем мировоззрении, как нам кажется, не только постмодернистское подпольное мышление, но и что-то от традиционного, славянофильского, что шло вразрез с разрушительным духом постмодернизма. Эта доброта и человечность явно присутствовали в южинском наследии и как-то уживались с разрушительным началом людей подполья.

«Южинцы», как люди особого – «подпольного» – склада, впервые в СССР занялись легализацией советского постмодерна, которым страна жила начиная с 1917 г. тайно, без официального озвучивания. В своей творческой деятельности они стали рассказывать о том, что стоит за парадным фасадом «советского модерна» (большей частью сталинского модерна), но делали это, конечно, не открыто (этого делать было нельзя), а из подполья. Не революционного подполья, а идейного, как его

понимал Достоевский. И в этом контексте не только южинцы, но и неоевразийцы и новоскифы могут считаться «людьми подполья», исповедующими постмодернистские принципы в этнополитике и этностроительстве, как они их понимают. Однако к Дугину и Зарифуллину – пользовавшимся все же опосредованным, «лунным» светом южинского свободомыслия, не попало, как нам кажется, то доброе, почвенное, славянофильское, что присутствовало у южинцев на уровне личного общения, когда южинский кружок действовал еще в квартире Мамлеева.

Как заметил М. М. Бахтин, «человек подполья не только растворяет в себе все возможные твердые черты своего облика, делая их предметом рефлексии, но у него уже и нет этих черт, нет твердых определений, о нем нечего сказать, он фигурирует не как человек жизни, а как субъект сознания и мечты... интенции автора направлены именно на его самосознание и на безысходную незавершенность, дурную бесконечность этого самосознания» (Бахтин 2017: 56). При характеристике основателей неоевразийства и «нового скифства» мы будем отталкиваться от этих эгоцентричных характеристик, присущих персонажам, впервые увиденным и описанным Ф. М. Достоевским и нашедшим себя в «южинцах» и их последователях. Неоевразийцы и «новые скифы» не только декларировали свою подпольность, но и воспроизводили ее, формировали на современном им материале, укладывали в определенный *текстовый* порядок. Их путь интенционно шел *от жизни к тексту*, а не наоборот. «Текст» как сверхреальность они и хотели представить обществу и государству, когда наступит необходимый исторический момент и их скифский «текст» сможет уже поглотить обветшавшие, по их мнению, формы православно-русской жизни.

Нельзя забывать при вопросе об истоках «Новых скифов» того факта, что Вл. Соловьев возвращался в постсоветскую Россию по-разному: и по церковным каналам, но главным образом по инициативе А. Ф. Лосева, его учеников и единомышленников. Были изданы четыре тома его главных сочинений, в серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография, написанная Лосевым, где подводился своего рода итог творчеству философа уже с позиций всего пережитого и осмысленного Лосевым (и в целом наукой) за столетие после кончины Соловьева (Лосев 2000). Из этого становилось ясно, что пути Соловьева и деятелей Серебряного века во многом разошлись. Таким образом, к узко соловьевскому наследию прибавился еще и опыт его идей, на который столь богат оказался XX век. Но такой идейно усиленный Соловьев тем более оказался ненужным «новым скифам», поскольку скифство этим мыслителем рассматривалось скорее в критическом ключе, нежели в положительном.

Вспомним и о том импульсе, который посылало новому советскому обществу и всему миру движение «Скифов» в 1918 г. «Враг с Востока» у Вл. Соловьева превращался у А. Блока и Р. Иванова-Разумника – идейного вдохновителя «Скифов» – почти что в союзника. Враг становится своим, потому что свой – русский – народ приобретал в результате революционности «азиатские», гуннские черты, становился скифом и в этом качестве сближался с «монголом». Скифские перемены в русском народе все участники движения оценивали как революционные перемены, близкие сердцу скифа-интеллигента. Скифство, таким образом, было синонимом подлинной, народной революционности, революции в ее стихии, широте и размахе, в ее стихийной свободе.

Идейное движение «Новых скифов» возникло в 2010–2011 гг. В манифесте от 7 ноября (!) 2011 г. художники, поэты, писатели, музыканты, авторы и организаторы постмодернистских художественных выставок-перформансов определили свое творческое кредо: «Мы – скифы!». Что на деле означало: 1) смену границ исторической памяти (вместо славян этноисторической точкой отсчета становятся скифы)¹; 2) скифы объявлялись неким образцовым этническим сообществом, которое необходимо современному обществу, чтобы выстроить подобный «свободный» мир; 3) скифство каким-то образом откроет дорогу экономическому процветанию России, и она станет «Солнечным царством»; 4) страна станет демократичной в области внутреннего управления; 5) вместо разнородных национальных образований в РФ возникнет более широкий Союз Скифских Республик, некое подобие СССР (Зарифуллин 2018: 5–18).

Актив возникшего движения составили: П. Зарифуллин (руководитель), Я. Леонтьев, Г. Садулаев, А. Секацкий, П. Крусанов, И. Бражников, Р. Багдасаров, В. Трофимов-Трофимов, Р. Анчевская, О. Даквинова, В. Ларионов, А. Верещагин, Д. Гаев-Орлов, А. Борисов, С. Монгуш, А. Голубцов, В. Дмитренко. Но этот широкий круг был рассчитан на творческую, художественную деятельность, в то время как политическое направление не сразу стало преобладающим (только к середине 2010-х годов), а значит, стала меняться и конъюнктура в самом движении (семинары и съезды вместо выставок), новое значение приобретала и деятельность руководителя движения Зарифуллина. Ему нередко приходилось теперь *одному* ездить по РФ и ближнему зарубежью с лекциями и презентациями, с организационными целями, направленными на создание филиалов Центра Льва Гумилева, той новой структуры, которая и позволила дальше развиваться движению в политическом уже, а не художественном ключе.

Тут, наверное, надо вспомнить предысторию политической деятельности П. Зарифуллина, уроженца Казани, 1977 года рождения². В 1994–1998 гг. он возглавлял Казанское отделение Национал-большевистской партии, потом разошелся с Э. Лимоновым (вместе с А. Дугиным) и вышел из партии. Дальше, очевидно, началось сотрудничество с Дугиным по евразийству, Зарифуллин стал занимать высокие должности в неоевразийских политических структурах: с 2004 по 2009 г. секретарь в Международном евразийском движении (МЕД), с 2005 по 2009 г. руководитель русского управления МЕД в России, с 2005 г. руководитель Евразийского союза молодежи (ЕСМ), основанного при его участии, начальник Федеральной сетевой ставки (ФСС, высшая структура в МЕД). 2009 стал годом больших перемен: происходит разрыв с Дугиным, уход из евразийского движения, объявление о роспуске ЕСМ. Летом того же года Зарифуллин создает структуру нового типа – Международное движение по защите прав народов, отличающееся от всего прежнего евразийского по характеру деятельности. Возможно, это и послужило поводом для разрыва с Дугиным, поскольку у Зарифуллина появились уже мысли о создании *самостоятельного* большого направления. Так появляется движение «Новые скифы», с задачами не менее, а даже более обширными, чем у евразийцев, хотя Зарифуллин вначале и представлял этот проект в близкой ему художественной авангардистской среде как дело творческое, художественное, а не политическое. Следует сказать, что до скифства П. Зарифуллин весьма активно себя вел в интернет-пространстве, руководил несколькими информационно-аналитическими порталами: «Евразия. Info», «Геополитика», «Геополитика постмодерна». Это пригодились и во времена «Новых скифов», с их обширной сетевой структурой и несколькими сайтами.

Новый формат движения позволил резко порвать с неоевразийством. За разрывом, очевидно, стояло желание первенства, главенства и самостоятельности. Иначе зачем было порывать с Дугиным, если можно было параллельно развивать неоевразийство и скифство. Сам Зарифуллин говорил об идейных разногласиях с Дугиным и ограниченности целей у евразийцев. С его слов, у дугинского евразийства было только два измерения, привязанных к географическому фактору. Налицо был дефицит третьего измерения – вертикального. Зарифуллин называет это измерением «Святого Духа» (!), так как оно распространяется «ввысь и вглубь». Это «колодцы духовности» на территории Евразии, к которым и привлечено внимание «новых скифов». То есть симпатии к шаманистской практике, к теософии, оккультизму были обозначены с момента возникновения «Новых скифов».

Посмотрим, как понимает вопрос о преемственности «Новых скифов» от прежних «Скифов» основатель движения Павел Владиславович Зарифуллин в манифесте движения (Зарифуллин 2015: 60). Он говорит о культурном значении идей «скифов», в музыке прежде всего. Читатель отсылается к слушанию блоковской «музыки революции». Следом возникает тема культа языческих богов (в частности, Велеса), с которыми скифство духовно связано. Скифы для автора – это конкретное древнее племя, народ, обитавший на территории Евразии в древности; от них, а не от римлян и греков надо вести отсчет российской истории. Скифы – это революция с большой буквы. Протягивается нить к революционерам: народникам, левым эсерам, левому эсеру Р. Иванову, мыслителям Л. Гумилеву, Н. Рериху, поэтам и писателям А. Блоку, А. Белому, Н. Клюеву, А. Пушкину. Народнический миф сформировал идею воли. Скифы дали возможность большевикам стать национальной силой, через эсеров. Скифы «развалили вестернизированный (!) режим Романовых». «Новые скифы» призываются спасти современную Россию, зараженную страхами перед Западом, «не родившую миру Христа (!) и Русского идеального Мужчину».

В манифесте, таким образом, мы находим малопонятные выводы, эсхатологические мифологемы, связанные то ли с образом Антихриста, то ли с символами, за которыми у «скифов» стоит какое-то свое, автономное содержание. Одно ясно: настырно-декларативный характер этого обращения показывает, что «за душой» у «Новых скифов» пока ничего нет. Их преемственность – одни только слова, ведь из программы «Новых скифов» исчезло главное, чем отличалась программа революционных «Скифов» 1917 г.: разделенность скифства на скифов и эллинов, а также выдвижение в качестве главного врага «мещанства». Напомним, мещанства не как сословия, а как «приземленности», сосредоточенности только на материальном интересе («буржуазности»). Это не продолжение «Скифов», а миф о них, наполненный новым содержанием. «Новые скифы» берут за основу, во-первых, стихотворение Блока, и во-вторых, рассуждение Иванова-Разумника о скифах, как реальном народе со своим этническим укладом и обычаями. Речь идет о скифах как благородных свободолюбивых варварах. У «Новых скифов» на повестке дня стоит какая-то туманная социально-антропологическая задача созидания «хорошего, доброкачественного мужчины», нового русского, который должен воспринять в себя (или открыть в себе) древний скифский архетип. А. Блок видел в скифах силу, испепеляющую западноевропейский мир, Иванов-Разумник – российское историческое прошлое, на которое необходимо

опираться, чтобы уйти от довлеющих стереотипов, привязанных к славянству: «Москва – Третий Рим», «Святая Русь» и проч.

У «Новых скифов» историческая задача сузилась, у движения появились определенные сектантские черты, стал вырисовываться социальный утопизм нового проекта. Особенно ясно это просматривается в текстах основателя движения П. В. Зарифуллина.

Еще один важный момент, касающийся эволюции движения. Со слов его главы, произнесенных на IV съезде «Новых скифов», прошедшем в Москве 11 ноября 2016 г., поначалу «скифство» мыслилось как «культурологические посиделки», «возвращение к поэзии Серебряного века». Но «скифство» быстро захватило многих людей из разных регионов, у движения появился широкий практический контекст, оно политизировалось. Очень скоро стала вырисовываться и разница подходов неоевразийцев и «новых скифов». Дугин в своем движении сделал упор на научность, на статичность, на использование государством евразийских идей. Государство в лице президента, как неоднократно отмечал сам Дугин, не раз руководствовалось его идеями и «советами».

Дугинский эволюционный путь движения идей наверх был отвергнут «скифами», которые вышли из повиновения своему гуру, ему было объявлено об этом публично, вынесен вердикт: «Светлый Туран не пропускает Дугина дальше Балашихи», у скифства началась самостоятельная деятельность. «Великим учителем» становится *до поры* Л. Н. Гумилев. Ему Зарифуллин посвящает «Русскую сакральную географию». Гумилева «скифы» до поры терпят, потому что Зарифуллин быстро набирает очки, авторитет, среди его почитателей уже мелькает слово «пророк». Зарифуллина толкают в пророки. Что, конечно, увязывается с общим идейным багажом «скифов», состоящим целиком из постмодернистского мифа о скифах. Л. Н. Гумилев до поры нужен «Новым скифам» как фигура, академически и культурно легализующая идею равенства Великой Степи и западной культуры начиная с античности. От этого равенства они отталкиваются, когда идут с искомым базисом ко всем конкретным представителям (народам) Евразии. Гумилев – пока еще «конвертируемая валюта», он скрепляет своей концепцией и своим именем сегодня всю пеструю мозаику территорий и народов Евразии.

Между тем как у самих «Новых скифов», так и у неоевразийца Дугина научная база их трудов практически отсутствует. Как и «Ноомахия» Дугина, концептуальные труды Зарифуллина – это скорее мифологические поэмы о намерениях, это художественные образы и мысли, – словом, это *этноидейный фольклор*, не более. На Гумилеве евразийская

наука остановилась. Хотя уже у самого Гумилева появились целые пласты евразийской мифологии, сильно разжижающие научное зерно его творчества. Его теория солнечного влияния на людей, обустраивающего исторический путь человечества, умная солнечная ритмика, привязанная к ритмике теории пассионарности, человеческая активность, имеющая биологическую природу, – всё это очевидные подступы к мифологии. Это уже почти что миф, где есть умный бог – солнце, и есть «умное человечество», живущее не социальной и духовной активностью, а биологической, животной. Подхвативший в начале 1990-х годов эстафетную палочку евразийства Дугин поначалу пытался выстраивать научный каркас неоевразийства, но общество постмодерна не потерпело хозяйничанья модерна на своей территории, и ему пришлось взяться за постмодернистский проект под названием «Ноомахия», чтобы спасти от краха свое детище. Тогда же от его платформы отошло молодежное крыло нацболов во главе с Зарифуллиным, также посчитавших, что современная политика требует иных средств романтического выражения идей, нежели устраивание политических перформансов бойцами-радикалами в горячих точках бывших республик СССР.

Книги, изданные П. В. Зарифуллиным в издательстве «Лимбус Пресс», поддерживаются несколькими скифскими сайтами³, весьма активными, нагруженными материалами, состоящими большей частью из видеороликов с выступлениями Зарифуллина и других «скифов» на официальных мероприятиях, конференциях, встречах. Сейчас движение избрало для себя формат, близкий к Прохановскому «Изборскому клубу»; руководитель движения, как руководитель партии, постоянно ездит по регионам РФ, а также в страны ближнего зарубежья (большой частью мусульманские) на встречи с политиками, заключает соглашения о создании филиалов Гумилевского центра, собирает там единомышленников; читает лекции о скифстве, об альтернативной истории России, где степняки – это всё, а земледельцы – это «проклятый род»; среди своих сторонников на местах проводит психотренинги, формирующие устойчивость древних архетипов в сознании, участвует в шаманских камланиях. Книги Зарифуллина играют роль медиатора, они дают импульсы, идеи, настраивают сознание на определенную этноволну, которая подхватывается, когда автор приезжает и проводит свои мероприятия.

Книги основателя «Новых скифов» построены на платформе пересказываемых знаний (нередко искаженных), полученных из научной литературы; его пророческого вещания⁴; мистического открытия истин, смелого и даже дерзкого обращения с

привычными понятиями и постулатами; юмора сатирического свойства. Книги наполнены эмоциями, они импульсивны, они призывают к действиям, создают иллюзию оптимизма, скорых перемен в духе того, о чем говорит автор. Перед нами словно разворачивается сценарий (синопсис) фильма, один яркий сюжет сменяет другой. Такой подход рассчитан на огромную аудиторию, автор вещает, заранее зная, что перед ним – тысячи слушающих и читающих, что его поддержат, будут рукоплескать, придут в восторг и даже начнут каменеть от его дерзновенной смелости. Иными словами, он осознал, по законам постмодерна, что не грех превратить ложь в политический капитал, если тебя так напряженно слушают, если люди хотят слышать свою правду.

И еще. Автор знает, что в мире наступила эпоха, когда государства перестали в должной мере защищать подлинный порядок истории, когда всё стало зависеть от злободневности момента. А злободневность «российского момента» такова, что людям просто некогда серьезным образом, опираясь на научные данные, обратить внимание на прошлое (как и на будущее), поскольку настоящее полностью захватило их, одолело пестротой и мельканием самой разной на вкус драматургии (от примитивной до сложнейшей). Наше бытие так и пестрит этими точками бифуркации, демонстрирующими настоящесть настоящего. Настоящее не дает нам вздохнуть, оторваться от «культурной» суеты фильмов, мельтешащих событий, происшествий, ежеминутных телефонных контактов, – оно, как колокольчик на колпаке шута, непрерывно звенит и звенит.

Автор объясняет читателю, почему он взялся за столь трудное дело «тотальной деконструкции и реконструкции изначальных смыслов лучшей на свете страны». В России «сотни поколений мещан в русской православной церкви, десятки поколений посадских обывателей русских городов свалили и спрессовали нашу традицию, веру и правду, так что никогда толком не скажешь, что и откуда берется». Его дело разрушить эти путы. Себя автор называет «этнографом-структуралистом», но, судя по всему, это самозванство, наши российские структуралисты все-таки опираются на научную базу и методы исследования. То, что Зарифуллин называет конструированием, лишь авторские претензии, его работа носит скорее демиургический характер; он творит мир или его переформатирует, как это делает шаман. Это не научная работа, а религиозно-идейная, парарелигиозная, в случае со «скифами» – религиозно-идеологическая.

Современный «пророк-демиург» не может не быть постмодернистом, и Зарифуллин пишет «пророческим» стилем: перед нами то стилизация «под Елену Рерих», то вдруг натыкаешься на Блаватскую,

в другом месте встречаешь нескромные претензии на новую «Авесту». В тексте есть и плоды медитации и шутки в стиле Ницше. Вот, например, вроде бы шутка: «Так сказал Павел Зарифуллин». Но в постмодерне все шутки очень серьезны. Шуткой Ницше Бога попытался убить. От чего и сошел с ума.

Начнем анализ трудов Зарифуллина с книги «Новые скифы», изданной в Санкт-Петербурге в 2014 г. Формат книги «карманный», рассчитанный, конечно, на заинтересованного читателя, на чтение «на бегу», в метро или в автобусе. Стилистика текста – легкая, доступная, речь автора образная, по форме продуманная, легко бегущая, кочевая. Короткие эссе с разным содержанием в то же время незаметно переходят одно в другое. Названия эссе, конечно, броские, привлекающие внимание. Восемь глав построены по принципу матрешки, каждая расписана на свой лад, в каждой своя тема, есть крупные темы и подтемы. Первая «матрешка» – «Кочевники» – посвящена новому взгляду на кочевников и оседлых, земледельцев. Автор требует, чтобы на кочевников (а это не только в прямом смысле племена степей и полупустынь, занимающиеся кочевым и полукочевым хозяйством, но все имеющие «кочевой дух» – моряки, поморы, цыгане, казаки, сектанты и т.д.) посмотрели новыми глазами, признали их «аристократами Земли», ведущей нравственной силой планеты, в то время как «земледельцев» – «проклятыми». Заметим – не равными, а единственными в своем роде. Так называемый «солнечный русский» эмбрион должен появиться из кочевнической среды.

Вторая глава – «Баба Яга» – посвящена русским женщинам, у которых прародительницей является этот сказочный персонаж (тут с Дугиным полная солидарность!), отнесенный, как помнится, Проппом к олицетворению смерти. Но автор этого не помнит. Культурным и духовным образцом русской женщины является левая эсерка и террористка Маруся Спиридонова, которую «скифы» считают святой. В этой главе автор выносит оправдательный приговор эсеровскому террору (в том числе с участием Спиридоновой), называет этот процесс священнодействием, жертвоприношением, ритуальным. Помнится, еще Л. А. Тихомиров, перестав быть террористом, осудил террор, совершаемый как будто ради благородных целей и людьми с возвышенными понятиями (Тихомиров 1889). А уж сейчас на фоне мрачного разгула этой стихии говорить о терроре в лирическом тоне более чем безнравственно. Но автор так не думает.

В главе «Братья» разворачивается псевдоскифская мифология. Зарифуллин предлагает отказаться от «православного гражданства» россиян, ведущего отсчет от «Владимира Красное Солнышко»,

и перейти к более древней гражданской идентичности – скифской родословной, где все евразийцы были едины. Вот образчик уровня, на котором работает автор: «Все читали “Язычество Древней Руси” и “Язычество древних славян” Бориса Рыбакова. Великий историк и археолог по черепкам (!) доказал происхождение славян от скифов» (Зарифуллин 2014: 131). Позвольте, разве Рыбаков это доказывал? Или же автор плохо читал, или давно читал эти книги, или он нарочито вводит в заблуждение читателей. Ведь нигде, ни в этих книгах, ни в других, Б. А. Рыбаков не говорит о происхождении славян от скифов. Напротив, скифы появляются на территории славянского заселения (тшинецко-комаровская культура) со стороны и часть славян контактирует с ними, перенимает от них элементы культуры, но ничего более Рыбаков не говорит (Рыбаков 1981: 225). И было бы странно слышать другое от историка. Залихватский тон продолжает вести Зарифуллина в одном ему ведомые дебри исторических домыслов: буденновские «красноармейские орды» в буденовках он называет воинством Гога и Магога, как бы подчеркивая чуткость большевистских вождей, пытавшихся таким образом запугать эсхатологическими страхами старушку-Европу. В Библии войско Гога и Магога традиционно трактуется как воинство Антихриста, а вот для Зарифуллина – это освободители: «Скифы, открывающие хрустальные ворота войску Гогов и Магогов в рдяных буденовках» (Зарифуллин 2014: 182).

Но ему должно было быть известно, что шлемы эти по образу древнерусских металлических шишаков были сделаны еще при царе Николае II и предназначались для парада в честь близкой победы над Германией в Первой мировой войне. Да и сравнивать русские войска (хотя и красноармейские) с библейскими воинами Гога и Магога привычно скорее европейским историографам, чем русским.

Скифами Зарифуллин называет, например, тех «кавказцев», которые нередко нарушали законы на улицах Москвы в 1990-е годы, вели себя вольно, «по-скифски», хотя жители столицы называли такое поведение хамским. Вслед за ними и Талибан им обеляется (как это актуально в августе 2021 г.!), как «честно расстреливающий», потому что он – борец со старыми идолами (Зарифуллин 2014: 179). Да и самим «новым скифам» придется, как пишет автор, со временем взять в каждую руку по символическому револьверу из «самородного скифского золота» и начать стрелять в «Тщету Мира» (Зарифуллин 2014: 179). Не так ли в застенках ЧК поступали скифы 1920-х годов с «тщетой мира» того времени? Зарифуллин – за анархизм в политической области, за анархистскую партию, за анархистские

идеалы «Штирнера и Ницше» (Зарифуллин 2014: 147). Анархистами у него являются Петр I и казаки, Разин с Пугачевым, и Ермак, и Грозный, и ЧК, и Махно. От все новых и новых броских формулировок просто дух захватывает! Зная, что у Л. Гумилева в теории этногенеза есть понятие «мутация», автор цепляется за это слово, и вот уже у него в черед не-прерывных мутаций целая цепочка исторических лиц: Денис Давыдов, Григорий Котовский, Нестор Махно, Яков Блюмкин, Виктор Бут (!). «Подобно трикстерам они перетекают из одного состояния в другое – из волка в скакуна, из диктатора в революционера. И рождают фигуру мутанта – Подлинного Скифа: опричника-казака, махновца-чекиста, генерала-партизана» (Зарифуллин 2014: 161). Нынешнего президента Путина автор тоже призывает стать мутантом, иначе он не впишется в скифский контекст.

А какую привлекательную картину будущего рисует автор для тех народов, которые окажутся готовы принять великий скифский проект: «Наш “имперский анархизм” диалектичен: целые страны, народы и племена могут вернуться в пещерный век к целительному собирательству и благородному кочеванию. Никто им слова плохого не скажет. Они пойдут в Золотой век назад. А мы пойдём вперед» (Зарифуллин 2014: 178). Выходит, и у свободолюбивых скифов тоже есть своя элита – царские скифы. Всё по Геродоту! Те, кого Зарифуллин называет «мы», – это политический актив, воинская аристократия. Их задача – разрушить «Миметический Эллинизм Глобализации», «сбросить европейского Платона с пирамиды дьявольской гордыни». Слышал бы Блок! Да и родные Иванову-Разумнику «эллины» отныне объявляются врагами номер один. Таков политический разворот современных скифов.

Переходим к главе «Дары мертвецов». Она посвящена нескольким вопросам. В частности, возрождению русского крестьянства в 1950-е годы, которое автор связывает с реализацией эсеровских народнических проектов, ориентированных на русский социализм. «Народную свободу» при Хрущеве автор представляет как «скифский проект», хотя героями его и были те самые крестьяне, которых ранее автор характеризовал словами «проклятые», то есть несущие на себе «каинову печать». Разумеется, к исторической реальности это пресловутое возрождение никакого отношения не имеет. Зарифуллин говорит о поддержке писателями-деревенщиками сельских реформ Хрущева, хотя на деле они были противниками разрушения деревни в эти годы. Автор, очевидно, слышал о наличии писателей-деревенщиков и, чтобы блеснуть эрудицией, сделал их сельскими глашатаями хрущевской оттепели.

Сюда же, в главу «Дары мертвецов», попал материал из Якутии, где автора очень хорошо встретили представители титульного этноса, подарили алмаз, познакомили с шаманскими практиками, рассказали о секте скопцов, и автор пришел к выводу, что «между шаманским, скопческим посвящением, поэтическим озарением и посвящением знати, воинов мужского братства – нет принципиальной разницы. Это всегда обращение к Иному, обретение Сверхчеловека» (Зарифуллин 2014: 249). Опыт, полезный для пророка, мечтающего стать сверхчеловеком! Здесь, очевидно, с автором произошло нечто таинственное, потому что его описание шаманских камланий выглядит не только комплиментарно, но и созвучно происходившему, судя по его восклицаниям: «аристократы духа», «готовность к великой брани и великому полету», «знать должна летать». Так и думаешь, что и он не отказал себе в удовольствии «покататься на метле». И вот признание: «Во время обряда инициации сложно сразу определить, кто есть кто. На всех одеты маски, все перемазаны в саже факирских углей» (Зарифуллин 2014: 255). Из текста (и не только этого) ясно, что автор – активный участник шаманских действий и ритуалов, он испытал на себе происходящее, включается в трансмистическую деятельность, и этот опыт, конечно, оказал влияние на его духовное состояние. Что нашло свое отражение и в текстах.

Глава «Лабиринт» написана уже человеком, прошедшим «инициацию», здесь впервые появляется малоконтролируемый поток сознания, с символическими образами, понятными только автору. В начале главы автор сравнивает энергию «новых скифов» с «дедайт», энергией мертвецов-вампиров из фильмов ужасов, причем говорит, что это демоническая энергия, но всё равно за ней будущее. «Однажды мы выйдем из бора. Наш “дедайт” – волшебная сила – поскочет впереди на 12 ногах. Многие увидят родных и близких мертвецов из любимых синема. Но будут и такие, кто признает в нас златовласых от осенних листьев братьев Рюрика (!), вернувшихся править по справедливости планетой Земля» (Зарифуллин 2014: 263). С историческими персонажами Зарифуллин творит полный произвол. Майор Гаврилов, защищавший Брестскую крепость, вспоминается им потому, что был из татар-кряшен и его древняя тюркская энергетика помогла ему стать героем. Брестская крепость стала победоносной потому, что здесь находился лабиринт – «древний космический храм, пространство таинств и мистерий, священных женских плясок и обрядов посвящения в мужчины. Княжество оборотней и зверолодей, богов и счастливых влюбленных». Перейдя к описанию Соловков, где тоже имеются древние лабиринты,

автор продолжает свое бесчинство, для него Соловки – это «Матка Севера». «Женский арктический континент (!), который приоткрывает свои тайны на Соловках, сдирает подол океанического сарафана», здесь «женское является само собой». Люди «так спешат сюда» на «кровь парную и стылую». Так автор обозначает кровь мучеников. И последний «лабиринт» этой главы – это подземная река Неглинка, протекающая под Москвой. Она почему-то играет колоссальную мистическую роль в будущих судьбах мира. Она – образ России. Здесь у Зарифуллина летают Черные и Белые Королевы, действуют угорская Золотая Баба, Дракон, Царь-Священник, объединяются христианские церкви под эгидой «Царя-Попа». Но порой в текст книги, перенасыщенный искаженными научными фактами, домыслами, мистическими видениями, кощунствами, невнятной символикой, внедряется еще и постмодернистская ирония, «юмор для своих» – и всё это вместе растет как снежный ком, как следствие мистических практик (называемых автором инициациями), которые он не пропускает ни в одном регионе: Якутии, Калмыкии, на Русском Севере у русских неоязычников и т.д. В связи с этим растут его претензии к «оппонентам», растет личная самооценка, растет хаос в тексте. В главе «Свадьба» он уже не стесняется обелять фашизм (который в предыдущей главе осуждал, описывая подвиг майора Гаврилова). Новый герой – немец Отто Даль – поднял калмыков против советской власти, чтобы воевать на стороне Вермахта. Ему, как богу Дионису, поклоняется современная шаманка, и Зарифуллин вместе с ней участвует в «евразийском транс-семинаре» (!). Научнообразность происходящего прикрывается фразами про семинар и евразийство, на деле же все гораздо проще и реалистичнее: автор и его команда присоединяются к шаману, как это делало в прошлом родоплеменное сообщество.

В этой же главе автор поэтизирует современное радикальное движение «Фемен» и «Pussy Riot», воспекает эксперименты А. Коллонтай на основе «свободной любви», осуждает Сталина за то, что он прекратил эту практику: «Сексуальная стихия, разбуженная Великой Революцией, аккуратно вкатилась в мешанскую колею, в тихую юдоль советского гражданина». Здесь и припомнилось блоковское «мещанство», о котором «новые скифы» как будто забыли. Зарифуллин приветствует революционный обвал церковно-брачного института, потому что, по его мнению, последний себя изжил, и отсылает читателя к «Крейцеровой сонате». «Новые скифы» готовят свой проект сексуальной революции, он еще не создан, но уже очевидно, что будут использованы практики русских сект. А практики эти были порой очень экзотическими. Например, у сек-

ты «свободников», исповедующей святость наготы; у скопцов – оскпления; у хлыстов – промискуитета и проч. Не чужды скифам и мусульманские опыты многоженства, а также совсем уже экзотическая форма для России – многожества (при одной жене). Автор не исключает и того, что геи в России будут приняты как родные в скифское лоно, если грамотно подойти к этой теме и объявить, что здесь торжествует дионисийская культура сатурналий и задействованы вакхические подсознательные комплексы. Не забудут и энареев, жрецов-гадателей, метросексуалов. «Новые скифы выступают за асимметрию брачно-семейных отношений: за моногамию, полигамию и полиандрию».

Отклонение от твердых религиозных основ, уклонение в шаманизм и сектанство, неоязычество, по логике движения, и должно было привести автора к этим крайним радикальным выводам в вопросе о браке. Свадьба (!) Степана Разина – образец скифской свадьбы, мистической, сакральной, когда персидская княжна бросается в «набежавшую волну» и как жертва, и как будущая жена. Но, предвидя, что это тупиковый путь для брачующихся, Зарифуллин со своей пророческой высоты бросает простолюдинам: «молодым неофитам Объединения Новые Скифы, прежде чем бросаться в бездны Инобытия свадьбы им. Степана Разина, я рекомендовал бы обратиться к нашим родным христианским святыням» (Зарифуллин 2014: 354). Сам он, судя по всему, так и поступил.

Сам автор не только не скрывает, но даже подчеркивает, что скифская деятельность хотя и имеет политические цели, но зиждется на магии, «ведь самая главная наша политическая цель – это поиск Дома, Тайного Центра По-Ту-Сторону. Новые Скифы – это политическая партия “Домой”» (Зарифуллин 2014: 386). Магия для Зарифуллина – это «фасцинация, колдовство, образо-обворожение», это «ключевые слова скифской диамантовой теургии» (Зарифуллин 2014: 427). Книга заканчивается, как ей и подобает, славословием себе – великому пророку, вершителю судеб мира: «В “Книге Беловодья” живут пляски. Однажды я их впущу, и они запляшут континент» (Зарифуллин 2014: 457). Про себя: «Человек, обвинивший этно-социо-сетями пол-Евразии и Москву-Вавилон, сегодня одинок, как летящий в космосе метеорит... За двенадцать лет жизни в этом городе я связал его бесконечным клубком, но сегодня приходит время дернуть за все нити разом... Я – Амбассадор Пресвитера Иоанна, далекого Восточного Короля... Из лесов, степей и пустынь в Москву скоро въедет Скифский Царь... И все йезиды, ягнобцы, красные скины, менты, местные американцы, “кони”, евреи, художники и афганцы будут приветствовать его как законного Государя»

(Зарифуллин 2014: 461). Книга заканчивается словами: «Много дней я лежу в горячке на горностаевых шкурах в золотом шатре...» (Зарифуллин 2014: 494).

Стоило ли, скажет читатель, перечислять весь этот набор мистических образов неконтролируемого сознания, если ясно, что перед нами «голый король». Но дело в том, что его как политика сегодня принимают на высоком уровне в Татарстане, Киргизии, Казахстане, Узбекистане и т.д., о нем знают в Турции, Иране, везде, где есть потребность в евразийской идеологии в ее новом изводе. Его принимают и с ним заключают соглашения о сотрудничестве, он проводит специальные семинары-тренинги, с использованием не только психологических методов, но и методов духовно-соматических, воздействующих на духовную сферу человека. По самым последним данным, в начале октября 2021 г. «Новые скифы» организовали и провели съезд-курултай «Новая Евразия» на Алтае с приглашением делегатов из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской, Архангельской, Нижегородской, Новгородской и Новосибирской областей, Республики Татарстан и Республики Алтай, Белоруссии, Казахстана, Монголии. В новую структуру скифов «Новая Евразия», с центром в Новосибирске, вошли в качестве сопредседателей движения П. Зарифуллин и З. Прилепин. Председателем Верховного Совета движения стал Андрей Борисов, государственный советник Республики Саха (Якутия), исполнительным директором – юрист из Новосибирска Константин Малышев (Съезд-курултай 2021). Движение будет бороться за перенесение столицы из Москвы в Новосибирск. Авторы надеются на поддержку С. Шойгу. Подробнее сибирскую тему разберем ниже.

Заметно, что «скифы» наступают... в том числе и на евразийцев, и новая структура со звучным названием от лица «скифов» ясно указывает на это. Да и съезд-курултай уже не только скифский, но уже евразийско-скифский. «Евразийство» как термин все же дает неоспоримые преимущества в сравнении со «скифством». В программе движения «Новая Евразия» мелькнуло знакомое по проекту «Русский ислам» имя Глеба Павловского. Старые кадры, политтехнологи возвращаются на круги своя. И неслучайно. В новом документе впервые озвучивается политическая цель: «Вместо Евразийского Союза, ставшего очередной пародией на Советский Союз, мы предлагаем создание иного политического образования – конфедерации народов Новая Евразия» (Зарифуллин 2021). Здесь нет смысла подробно разбирать эту программу, но перед нами новая модель будущей России-Евразии, с полной сменой прежнего тысячелетнего цивилизационного вектора, в основу которого были положены принципы православия.

Но продолжим разбор книг П. Зарифуллина. Вторую свою книгу «Русская сакральная география» (СПб., 2015) Зарифуллин посвятил «своему учителю Льву Гумилеву». В ученики к Гумилеву когда-то рвался и А. Дугин, но он так далеко ушел в своих теоретических выкладках от учителя, что сейчас уже старается молчать об ученичестве. У Зарифуллина этот разрыв еще больший, но тем не менее московский «Центр Льва Гумилева», им возглавляемый, существует, его филиалы работают во многих бывших республиках СССР и руководителя Центра охотно принимают там в качестве ведущего идеолога «скифства», потому что кому-то очень надо, чтобы евразийская часть наследия Гумилева не лежала в книгах, а активно продвигалась, превращалась в новые политические проекты. И Зарифуллин оказался удобным человеком в качестве мотора евразийской идеологии в ее скифской форме.

Данная книга посвящена главным образом местной реализации скифских идей. Для удобства работы автор представляет свою деятельность не только как политическую или «научную», но и как правозащитную, направленную на поддержку культуры, самобытности, демографии малых народов России. Однако, при близком ознакомлении с характером его защитной деятельности, нельзя не увидеть в ней деструктивного характера, обусловленного ее явной сепаратистской направленностью. Так, в главе «Права Марийского народа» явно идет речь об установлении господства новой элиты вместо якобы прорусской, ориентированной на Москву, разрушающей традиционные духовные ценности марийского народа. Автор устанавливает связи с представителями антирусской интеллигенции и всячески поддерживает их стремление вернуть всему марийскому народу потерянное в средневековом время право жить в привычной древней архаике, отнятой у марийцев русскими.

Следующий регион для сепаратистского просвещения – Сибирь. И опять здесь виновники – русские. Они захватили Сибирь, но не окультуривали ее: «Русские как будто живут в Сибири и ее не видят, словно она Страна Тьмы, владение бога Сатурна». «Русские не залили Сибирь собственной кровью, не прожили в ней необходимое количество столетий». Но при этом: в Сибири «светлые сибирские лица», в Центральной России – «у людей лица какие-то замороженные, нечистые» (Зарифуллин 2015: 54–55). Спасти Сибирь можно, лишь реализуя евразийскую идеологию: «Мы должны обратиться к потенциалу сакральных представлений о Сибири, существовавших до прихода в нее русских». Иными словами, вернуть туда культуру Сарматского царства, Тюркского каганата и империи Чингисхана. Главным законом для будущего евразийского госу-

дарства, считает Зарифуллин, будет Чингисханова Яса. И примером мудрости для России здесь должна быть, считает автор, современная Франция, которая отдала свое пространство представителям Африки с их древней, архаической культурой. Перемещение столицы из Москвы в Сибирь, как теперь планируют «скифы-евразийцы», позволит, очевидно, решить проблему «русской столицы», поскольку территориально Новосибирск, по их мнению, это уже не русская земля и здесь можно будет строить евразийское государство на новой этнической и религиозной основе.

Тем более что в имперском строительстве Россия должна учиться у немцев и тюрков, единственных подлинных строителей империи. И будущее в России – за тюрками, так как в русских течет уже 40–50% тюркской крови. Простой домашний расчет на пальцах. Основной фактический материал автор берет из художественных фильмов и книг, на которые постоянно ссылается. Славянам автор отказывает в талантах строителей империи (Зарифуллин 2015: 111). Как и его учитель А. Г. Дугин, Зарифуллин проводит идею об исторической ущербности славян, отсутствии у них элиты, способности к организации больших политических пространств. Похожими являются и их взгляды на религиозные корни русских. Зарифуллин прямо говорит о верности русских только «своему собственному русскому богу Велесу». Но на этом он не останавливается, уж слишком все будет просто, должен же быть более «жестокий, сильный и непобедимый» бог. И автора озаряет: русские поклоняются главному из падших ангелов, который в далекие времена назывался славянами, по его мнению, Ящер. Ему приносили человеческие жертвоприношения. И вот уже готов вывод: «В каждом русском живет Ящер Яша, он свился кольцами на самой глубине колодца нашей души, куда залетают только мистики, шаманы и юродивые» (Зарифуллин 2015: 132). «Это главная апофатическая тайна нашего народа, кощеева игла его беспокойных сновидений».

Почему такие люди, как Зарифуллин, клеветующие на целый народ, пишут и не боятся, что их поймут на слове, ответят им фактами, заставят прилюдно признать свои домыслы и ошибки? Да потому, что настоящие ученые их никогда читать не будут, это не их уровень, а остальным можно пустить пыль в глаза наукообразием и мистическими знаниями. Зарифуллин, дескать, нырнул в самые глубины народного сознания и там обнаружил лежащего Ящера и понял, откуда произрастает духовный мрак, в который погружены, в большинстве своем, современные люди. Автор словно не знает причин погруженности современного среднего русского человека в духовный мрак. Он, наверное, забыл, как

семьдесят лет атеистическая советская власть боролась с Церковью, «освобождала» народ от православной веры, насаждала идеал «комфортности» и добилась на этом попроще немалых успехов. По Зарифуллину, в духовный мрак народ погружался сам, по своему желанию, по своей тяге к архаике, по своей природе. Клеветать на русский народ сегодня просто, за это не наказывают, а наоборот – поощряют. Разве не на этом капитале Зарифуллин (заявлявший в книгах не раз, что он русский) сделал себе имя, получил возможность издавать книги, ездить по всему миру, содержать дорогие интернет-платформы и т.д.?!

Но продолжим следить за его мыслью. Решающий перелом в Великой Отечественной войне, пишет Зарифуллин, наступил, когда по распоряжению Сталина начали реставрировать ламаистский монастырь Эрдени-Дзу на месте древней монгольской столицы Каракорум. Ящер помог ему это осознать (Зарифуллин 2015: 138). Автор прямо игнорирует тот факт, что Сталин в 1943 г. вызывал в Кремль трех православных иерархов, обещал ослабить давление на Церковь и им же объявил, что эти льготы коснутся и представителей других конфессий. Но если вера влияет на дух народа, то мы не думаем, что ламаистов на фронте было так много, что они сумели после этих послаблений переломить ход войны. Однако для автора религия и вера не являются духовно укрепляющей силой народа, это лишь магическая практика, которая действует целевым образом, по-язычески. Провели шаманский обряд – и все готово!

Вопрос об аристократии у славян – основной в этой книге. Уже отмечалось, что Зарифуллин, как и его учитель А. Дугин, отказывает славянам в праве иметь свою аристократию, прикрываясь фразами о демократизме славян, но, по сути, считая их неполноценным этносом, как это делали и немецкие фашисты. Вот почему Зарифуллин все время навязывает славянам в руководители то сарматов (роксоланов)⁵, которых по-своему называет «русь-аланами» и считает, что они правили Киевом до варягов; то варягов-немцев, то современных «кавказцев» и евреев, не говоря уже о татаро-монголах и других народах, воевавших против Руси и России. Вот два примера из этого списка: «Кавказские народы с их сарматской этикой “славян” за элиту не признают. Хотя гипотетически вместе они могли бы опять создать реальный этнический симбиоз» (Зарифуллин 2015: 167). То есть русским надо идти на поклон к кавказским элитам, чтобы они поддержали их сегодня. Автор, очевидно, забыл и про Кавказскую войну XIX в., и про мирный период (до 1917 г.), когда на Кавказе активно шло строительство школ, больниц, дорог, строились города и культурные центры, кав-

казская знать постепенно включалась в число русской аристократии, военной и чиновной. Заметим, движение шло «к центру», а от него «к окраинам», а не наоборот. Нерусские элиты включались в государственную структуру элит (в центр), а потом возвращались к себе уже как государственники. Новый порядок «наоборот» стал устанавливаться при советской власти, столь любимой Зарифуллиным за железные и стальные – «скифские» – имена наркомов и руководителей. Тогда государство насильно заставляло представителей русских, помогавших устраивать автономную республиканскую власть на местах, подчиняться местным представителям власти. И такой порядок существует до сих пор.

Какие виртуозно-эквилибристические порой сюжеты предлагает в книге Зарифуллин, по-своему домысливая и растолковывая исторические факты! Молдавская царица Елена, вышедшая замуж за наследника трона великого князя Ивана, сына Ивана III, оказывается, освятила Русь своим присутствием, прибыв с родины Дракулы. Она «принесла в Москву особые, легкие и веселые нравы, а в Москве вокруг нее образовался кружок свободно мыслящих людей, самых отпетых еретиков». Оказывается, именно она стала главной героиней русских сказок под именем Елены Прекрасной, доброй, умной, любящей. Такой же запомнившейся и любимой народом была полька Марина Мнишек (!). Обоих Зарифуллин называет близким ему именем: «о русский Люцифер, летящий в бездну». «Она смеялась (это уже про Мнишек. – О. К.) им в лицо, как смеялся благородный Люцифер в лики всех прокуроров и судей...» (Зарифуллин 2015: 229–230).

Русский народ не достоин, считает автор книги, иметь благородную, высокую символику, отражающую его духовные идеалы. Вместо святого Георгия, поражающего копьём змея, он предлагает двух змеев, убивающих друг друга. Вверху дракон небесный, внизу – народный – «тайный, черный, посконный, жирный, ленивый. Этот никогда не подведет. Народ не верит и никогда всерьез не верил ни в христианство, ни в коммунизм... Это смерть, которой на самом деле молятся русские люди, глядя пустыми глазами на иконы восточной ортодоксии и портреты красных вождей. Они видят своё посконное в этих прямоугольных фигурах. Внизу дрова, вверху трава (краска)» (Зарифуллин 2015: 198). И это пишет человек, называющий себя старовером и «солнечным русским»!

Но буквально через несколько страниц, по закону «подпольного жанра», мы встречаем несколько комплиментов русским, чтобы иметь возможность манипулировать в спорах: «Русская цивилизация – цивилизация Богородицы, Россия хранима Небесной Девой и в своих изначальных архетипах

самое есть Любовь». Прочитаем несколько страниц и вновь попадем на новое «блюдо» густого теософского варева: «Иоанн (Грозный. – О. К.) наполнит меркуриальный (!) субтильный (!) Волхов трупами младенцев, а потом завалит Волгу у Свяжска и Казанки очистительными мертвецами. Очищение будет троекратным, как три цветка в руке королевы. Мертвый и живой меркурий (Серая и Волга) в философском браке воссоединяются с камской и уфимской солью (!). Для этого Иоанн станет царем Казанским и Астраханским. Использует царскую водку и царский цемент (!). Ну а Волга впадает в Каспийское море! Из этого философского яйца (!) родится русский народ» (Зарифуллин 2015: 263). На лицо, конечно, полная безответственность за слова и смыслы, за факты и выводы. Автор «пророчествует» (!), и такая форма представления мысли вполне приемлема для постмодерниста-подпольщика, она удобно скрывает за мистической оболочкой и русофобию, и шовинизм, и какую угодно клевету на народ и его правителей. Книги Зарифуллина активно продаются, и тираж их растет. Если первая книга «Новые скифы» имела тираж 1000, то «Русская сакральная география» уже 1500, а следующая – «Белая Индия» (СПб., 2017) – печаталась тиражом 2000 экземпляров.

«Белую Индию» уже нет возможности подробно пересказывать, трудно анализировать в привычном ключе, она состоит из авторских притч, сказок, мистических вещаний. Здесь Зарифуллин уже совсем отбрасывает какую-либо скромность и авторитеты: «Про Царство Пресвитера Иоанна писал Лев Николаевич Гумилев. Он ушел от нас. Волшебство и чарующе повествовал Эко. И его тоже нет. Теперь рассказываю только я. После смерти Эко у меня сложилось грустное ощущение, будто я остался один» (Зарифуллин 2017: 30). Оригинальна и непонятная страсть Зарифуллина называть умерших этнографов «покойными» (автор постоянно называет так Леви-Стросса). Объяснить ее можно только одним: он все время сравнивает себя с покойными и вновь утверждает, что теперь он остался один за все в ответе.

В этой книге у автора просматриваются уже очевидные планы на политическую карьеру. Уже «родилась новая религия, скифская гендерная система, которую можно сравнить с полиандрией архаичных народов Евразии». «Скифы» готовят континенты к боевым столкновениям. Их шаманистские этнотренинги уже ориентированы на политический результат. Так, центр проективной этнопсихологии «Новые скифы» в апреле 2016 г. проводил в Москве этнотренинг «по миру в Карабахе». С точки зрения современных реалий (на 2021 г.), оценка ситуации участниками тренинга получилась

неадекватной: Ильхама Алиева эксперт выключил из актива противоборствующих сил, как неспособного, и заменил на покойного отца Гейдара Алиева. И здесь любовь к «живым покойникам» не подвела, но традиционно возобладала в авторе. Турция не должна была, по логике автора, вмешиваться в события. В результате этнотренинга Армению и Азербайджан заставили примириться, до войны дело не дошло. Но в реальности, как знаем, И. Алиев был весьма активен в период реальной войны, Турция помогала своему союзнику, и тот победил. Россия поддержала Армению тем, что не дала Азербайджану разгромить ее до конца и выступила посредником в мирном урегулировании. То есть ситуация в реальности оказалась совершенно не такой, какой рисовали ее организаторы тренинга.

Также автор признает, что он (вместе с другими специалистами-психонетиками) «организатор десятка лагерей по подготовке революционеров украинской революции. Одни, выпускники наших этношкол в итоге стояли на Майдане, другие возвращали России Крым и создавали Донецкую и Луганскую Народные Республики. А часть отправилась в АТО» (Зарифуллин 2017: 454). Иными словами, в лагерях готовились просто радикалы, а куда они шли и на чьей стороне воевали, организаторов лагерей мало интересовало. Но это был опыт до появления «Новых скифов».

Движение «Новых скифов» организуется в 2011 г. и сразу получает высоких политических покровителей во властных структурах, ответственных за евразийскую политическую интеграцию. Только к 2015 г. начались выезды за границу в ближнее зарубежье, в другие республики, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан. Из российских регионов Зарифуллиным посещались Крым, Татарстан, Башкирия, Марий Эл, Чувашия. Здесь проходили встречи на уровне крупнейших национальных движений и партий этих республик. К ним подключалась элита из числа руководства отдельных вузов. Вот почему на этих встречах П. Зарифуллин представал совершенно в другом амплу, непохожем на образ «пророка» из его книг, дерзкого, задиристого, циничного, категоричного и углубленного в мистику. На встречах он был «мягким, интеллигентным ученым», «специалистом по евразийству», лицом, ответственным за культурную евразийскую политику. Как представитель московского Центра Льва Гумилева, Зарифуллин появлялся в Абхазии (в горячую пору политического конфликта) или в Таджикистане в облике эксперта-евразийца – сторонника мультикультурной политики, проводника идей толерантности в области межнациональных отношений. На встречах он говорит о «единой судьбе» народов Евразии, братстве, скрепленном скифством,

их общим этническим началом. В Таджикистане в 2015 г. его принимали в Душанбе советник ректора Российско-Таджикского Славянского университета, эксперт по проблемам миграции Р. Ульмаев, а также заместитель центра стратегических исследований Республики Таджикистан С. Сафаров, были представители еще двух вузов, студенты. В результате в Душанбе появился «Клуб Льва Гумилева» как филиал московского Центра Льва Гумилева (*Гайсина* 2015). В конце августа 2015 г. в Крыму состоялась встреча Зарифуллина с представителями общественных объединений крымских татар и русского общественного движения «Русские силы Крыма», где тот поддержал идею чистки властных структур Крыма от бывших сепаратистов, сторонников отделения от России (Къырым бирлиги 2015).

Периодически в Москве проходят съезды движения «Новые скифы» и конференции. Они проводятся в необычном формате, иногда с шаманскими ритуалами и камланиями, иногда с особыми полужыческими молитвами. Например, 11 ноября 2016 г. при открытии IV съезда «прямые потомки скифов» осетины провели обряд освящения «трех пересекающихся окружностями пирогов» (образы солнца, Бога и земли). Участники стояли с бокалом вина и зажженной свечей. Молитву читал осетин, она была обращена к предкам, чтобы те благословили съезд (*Турай* 2016).

Интересно, что в речи на открытии съезда Зарифуллин отметил, что движение получило широкое распространение неожиданно для него самого: в «дело стало включаться много здравых, веселых людей, и по всей Евразии – от Афганистана до Приднестровья – стали появляться скифские ячейки: от Якутии до Гагаузии, – и огромное количество людей готовы считать себя скифами. Новым скифом, в отличие от евразийца (!) может стать человек любой национальности (и даже... Дональд Трамп...)» (IV съезд 2016). Кроме Зарифуллина выступил с яркой провокационной речью Герман Садулаев, который стал говорить об обнулении истории России, об отказе от истории «от князя Владимира и Романовых», о разделяющей силе русского православного монархизма. Эти выступления поддержал историк из Воронежа Н. Сапелкин, известный сталинист, заведующий прохановского «Изборского клуба».

Выше было упомянуто об одном знаковом событии в жизни «Новых скифов», включении писателя, а теперь и политика Захара Прилепина в деятельность движения на уровне сопредседателя (вместе с П. Зарифуллиным) социально-культурного движения «Новая Евразия», образованного в 2021 г. Прилепин теперь и сопредседатель парламентской партии «Справедливая Россия – За правду». Уровень серьезный. А значит, и у «скифов-ев-

разийцев» ставки повышаются. Не думаем, что Зарифуллин понадобился Прилепину только из-за его новоскифских ячеек, этот союз предполагает более серьезные перспективы. Обратим внимание на мотивацию, которая объединила этих двух людей. На презентациях книг Зарифуллина и Прилепина речь шла об общей «скифской» тематике. Презентации прошли во МХАТЕ, а следом – в Доме книги «Молодая гвардия» (Презентация 2021). Здесь авторы-единомышленники представили расширенный список идеальных скифов русской истории, на которых можно равняться всем остальным. К известным уже Разину и Пугачеву добавились соловецкие чекисты Бокий и Эйхманс, как образцовые фигуры, которые, со слов писателей, пытались создать идеальную систему советского строя на Соловках. При них там процветала культура, все сословия, представленные среди заключенных, могли найти себе применение, творчески выразить себя. И если бы скифам Бокию (спецпредставителю ОГПУ, курировавшему сферу лагерей) и Эйхмансу (создавшему потом ГУЛАГ) не помешали, смог бы реализоваться именно скифский проект советского переустройства мира. Но вот что писал по этому поводу современник и участник «соловецкого культурного ренессанса», соловецкий сиделец Б. Ширяев в известной своей книге «Неугасимая лампада»: «Это был длившийся 2–3 года (с 1923 по 1926. – О. К.) период максимального напряжения культурной жизни Соловецкой каторги. Старая интеллигенция составляла около половины ее населения и непрерывно пополнялась новыми ее представителями всех видов и всех профессий. Традиции русской культуры, надломленные революционной бурей, были еще живы и действенны. Приспособленчество в те годы еще не растерло личность в порошок. “Последние могики” русской интеллигенции тогда не только помнили, но и ощущали и несли в себе ушедшее “вчера”. Духовенство высоко держало крест, офицерство хранило устои долга и чести, юристы – их было много на Соловках того времени – стройное представление о праве и законности, артисты и художники – стремление к свободе творчества и бескорыстному служению искусству» (*Ширяев* 2017: 83). На Соловки во второй половине 1920-х годов со всей страны везли арестантов – самых известных творческих, выдающихся людей, еще до создания лагерной системы жестокой эксплуатации дарового труда, поэтому здесь какое-то время люди могли проявить свое творческое горение. Но для Прилепина и Зарифуллина привычнее сказать, что это чекисты Г. И. Бокий и Ф. Я. Эйхманс организовали культурный расцвет на Соловках, хотя при «гуманисте», «скифе» Эйхмансе не прекращались ни расстрелы, ни принудительный труд, ни скудный

рацион питания, ни полное бесправие заключенных. Но Эйхмансу, в эпоху процветающего НЭПа, затронувшего своеобразно и Соловки, нравились формы «буржуазного» бесплатного развлечения, они не давали скучать его образованному сознанию, а Бокию же легко было отчитываться перед партией, что перековка старого мира идет успешно. Помнится, руководитель сайта «Русская народная линия» А. Степанов в свое время с таким же комсомольским задором защищал еще одного «скифа» – Ф. Э. Дзержинского как создателя порядка в социальной сфере и одного из творцов индустриализации в СССР.

Перейдем к выводам относительно обозначенной идейной стороны «Новых скифов». Главный идеолог движения, глава «Центра Льва Гумилева» Павел Вячеславович Зарифуллин написал и опубликовал на нынешний день четыре книги, цель которых представить новое мировоззрение, постмодернистское по своему характеру (этого автор не скрывает), конструктивистское по своему «научному» методу. И хотя ни о какой научности нет смысла говорить, поскольку ни одна из книг Зарифуллина не подходит под этот критерий (даже в историографическом плане автор представляет гипотезы и выводы советских и российских ученых в искаженном виде), но сам он называет себя ученым, этнологом. Но «ученый» только одно из многих лиц этого человека, ведь кроме этого лица есть «пророк», «шаман», писатель, главный организатор движения и т.д. И все же главное – это следование принципу превращения жизни в постмодернистский текст.

Выше было уже отмечено, что идейность автора носит «подпольный» характер, он, как и его учитель А. Дугин, – «птенец южинского гнезда». Анализ книг Зарифуллина позволяет нам высказать следующую точку зрения на особенности «подпольного» мировоззрения автора. Герои Достоевского хотя и были взяты писателем из жизни (они реалистичны), но помещены в особое концентрированное художественное пространство, где их мировоззрение можно было представить выпукло, зримо. То есть текст позволял создать особую идейно насыщенную атмосферу, которой в реальной жизни не было. Постмодернисты-южинцы в своем общении, в своем творчестве обращались в первую очередь к Достоевскому как классику подпольного жанра, и их задачей, судя по всему, было восстановление текста писателя как реальности. Они шли не от текста к жизни, а от жизни к тексту как реальной жизни. Речь идет, конечно, не о сюжетной стороне воссоздания подпольной реальности времен Достоевского, а о смысловой, когда современный им материал (быт, люди, жизненные ситуации и т.д.) постмодернистски конструируется в подпольные

формы. И здесь самое главное – обращение к тексту как подлинной реальности. Жизнь как текст в духе подпольного мировоззрения героев Достоевского, с учетом всей специфики их идейности. Подпольный герой, идеолог, носитель скифской идейности стремится к утверждению своей идеологии, внедрению ее в жизнь. Сама идейность (как постмодернистский миф) рождается у героя, по мысли М. М. Бахтина, как «рабство идее», «уродующей его сознание и его жизнь». Такой человек постоянно рефлексировать о себе, как «субъект сознания и мечты», он весь устремлен к своему самосознанию, «в дурную бесконечность этого самосознания». «Герой подполья прислушивается к каждому чужому слову о себе, смотрит как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа» (Бахтин 2017: 59). Иными словами, и в другом он проделывает ту же работу, что проделал в себе. И здесь ищет ту же дурную бесконечность. Героем из подполья владеет «жажда воплощения», но он «не воплощен и не может воплотиться» (Бахтин 2017: 88), то есть не может стать тем, кем стремится стать, и прежде всего, человеком, главенствующим над идеей. Да и как он может одолеть идею, если цель его жизни – идеальный текст, а не преобразование жизни. Отсюда, из-за нежизненности таких персонажей, к которым мы относим и П. Зарифуллина, «подпольщик» должен постоянно создавать видимость жизненности, он вынужден все время ориентироваться на своего соперника (кто он у нашего автора?), из-за чего «речь героя начинает корчиться, ломаться под влиянием превосходящего чужого слова, с которым он с первого же шага вступает в напряженнейшую внутреннюю полемику» (Бахтин 2017: 157). Очевидное юродство, которое периодически демонстрирует автор скифской идейности, также входит в список типологических признаков, присущих ему как «подпольщику».

Интересен и важен вопрос о соперниках, врагах автора упомянутых книг, против кого он воюет. Он не раз упоминает (но не критично) А. Дугина как автора той или иной мысли, резко характеризует «сумасшедшего» Э. Лимонова, отрицательно оценивает только двух персонажей русской истории: царя Алексея Михайловича и Сталина. Алексея Михайловича автор вправе не любить, потому что он себя числит старообрядцем, а Сталина очень не любят российские либералы, и эта авторская оценка предназначена для них. Потому что в некоторых случаях, там, где его не слышат либералы, автор симпатизирует вождю за его конкретные действия. Но враг все же есть. Автор не раз подчеркивает, что русский народ – не христианский, не православный, что его святые – не святой Георгий Победоносец, а Ящер Яша, что над сознанием России главенствует «дра-

кон Руси, огненный грифон, состоящий их тысячи грифонов, пылающий и страстный... он князь мира и тьмы... Сатанаил» (Зарифуллин 2015: 198–199). «Дракон является архитектором русского мифа и русской цивилизации» (Зарифуллин 2015: 197). Еще одна цитата: «Мы ищем Святую Русь, ключ от всех замков, ответ на все загадки, смысл нашего бытия, философский камень, золотой русский век». Она находится глубоко. «Это болото, в которое проваливаются безвозвратно, это каменные пещеры, выхода из которых нет. Это изучение грамматики кикимор и водяных, склонений и спряжений Хозяйки Медной Горы. Под чёрными горами бушует соленое море. А на дне этого моря томится славный восточный король (!) и взывает о помощи. Там нас ждет русская Золотая Рыбка. На дне подземного океана, под самыми глубокими шахтами русских орков (!), во владении Типкиница (!), Эрлик-хана, Сатанаила мы найдем то, что нам нужно больше жизни и смерти, то, что дороже и главнее всего. Мы отыщем идеальную Святую Русь» (Зарифуллин 2015: 26).

Уничжительные характеристики даются русскому народу именно в контексте его веры, религии, церковности, святых и святости. Здесь автор беспощаден, он переходит на уровень брани и клеветы, не стесняясь в определениях. При этом, опять же по законам подпольного жанра, он везде оставляет «лазейки» и следом звучат слова симпатии к русским, говорится о «солнечном русском». К подлинным русским он относит только казаков, об остальных в параграфе «русские» вообще нет речи. Благодаря «тупой русификации» «Россия – это тюрьма народов» (Зарифуллин 2015: 242). Он предлагает русским интеллектуалам сменить этническую идентичность, чтобы выжить: «Русский интеллектуал должен стать абсолютным евреем, но евреем более совершенным, потому что мы Новый Израиль!» (Зарифуллин 2015: 304). Зарифуллин страстно ненавидит Русь церковную, и за этой ненавистью стоит его предпочтение, которое он отдает не Христу, а Сатане, как нецененному, с его точки зрения, герою русской истории. Христос является для основателя «Новых скифов» главным противником, главным же союзником он видит Сатану. И в этом контексте, конечно, он вписывает свою идейность в эсхатологические рамки, а не просто ограничивается конкретными характеристиками. Пересмотр всей русской (российской) истории Зарифуллиным (пока еще отдельными эпизодами) предполагается на новой духовной основе, с новыми религиозными лидерами. Да и правители российские получают от него особую прививку лояльности к скифам. Идеальным правителем объявляется Иоанн Грозный, но не за исторические достижения, а за его посмертные деяния (!), когда он в роли живого мертвеца,

демонического существа, упыря формирует своими энергиями русский народ, рождает его в муках (Зарифуллин 2015: 261–263). Такова новоскифская историософия.

Важно, как нам кажется, отметить использование в работах Зарифуллина его мистического опыта, что должно указывать на широту его постмодернистских интересов. Автор, как он сам заявляет, берется за реконструкцию этнической истории русского народа через выявление его глубинных архаичных пластов и делает это весьма своеобразно. К восточным премудростям (зависимости человека от знаков зодиака) он добавляет неофрейдистские методики К. Юнга. Погружаясь в «бездны русской психики», он вычленил там финские, угорские и иные компоненты, например, обнаруживает там «гномов» и «мертвецов» (Зарифуллин 2015: 25). Достигается это не через сеансы гипноза, а благодаря участию в шаманистских камланиях и других видах медитирования, о которых он не распространяется. Конечно, подобная практика сегодня изучается, в ИЭА РАН, например, имеется научный центр, возглавляемый доктором исторических наук В. И. Харитоновой, где уже почти два десятилетия ведется практическое изучение измененного сознания. Зарифуллин же сам взял на себя функции субъекта и объекта исследования. Он пишет: «Работа этнопсихолога сходна с трудом евразийского шамана» (Зарифуллин 2015: 26). Шаманский опыт помогает ему получать искомую мистическую информацию о Ящере по имени Яша, живущем, как утверждает автор, на самом дне русской души. «Скифская теургия» – любимое выражение Зарифуллина: «Фасцинация, колдовство, образо-обворожение – ключевые слова скифской алмазной теургии» (Зарифуллин 2014: 427).

П. Зарифуллин не единожды называет себя этнографом. Очевидно, он имел какой-то опыт общения с сотрудниками ИЭА РАН, нигде в книгах и интервью не афишируемый. Статьи с его сайтов «Белая Индия» и «Центр Льва Гумилева» периодически размещались на старом сайте ИЭА РАН. Тренинговая деятельность Зарифуллина, судя по всему, опирается на разработки Н. М. Лебедевой, трудившейся в 1990-е годы в ИЭА РАН и возглавлявшей тогда этнопсихологическую группу. На это указывают и подходы, и содержание тренинговых упражнений. Это был научный коллектив, который разрабатывал методики, касающиеся именно этнической толерантности, чем занимается сегодня и Зарифуллин. Лебедева выпустила несколько учебников на эту тему (Лебедева и др. 2004). Книги выходили при финансовой поддержке ЕС и реализовывались Консорциумом, возглавляемым Немецко-Русским обменом (Германия). «Братское» участие партнеров из Европы явно указывало на их идейно-корыстную

заинтересованность в том, чтобы идеи этнической толерантности реализовывались в том ключе, как их понимали тогда европейцы: мультикультурности, политкорректности и многого подобного этому формализованному отношению к культуре, народу и традиции. Книги имели допуск Совета по психологии УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. В свое время журнал «Традиции и современность» опубликовал статью «Толерантность как религиозная и нравственная проблема современности» (Кириченко 2006), где подробно рассматривалась идейная и религиозная основа навязываемой тогда России со стороны Запада этой модели поведения. Была дана оценка и методике Лебедевой, работавшей в русле европейских программ.

Уже тогда, в начале 2000-х годов, нам было ясно, что проблема навязываемой нам толерантности имеет далеко идущие цели очернения и искажения русской православной культуры и традиции, близкие к большевистским экспериментам 1920-х – 1930-х годов. И платформа этнотолерантации в 2000-е годы быстро расширялась, у нее ясно просматривались русофобские очертания. Мы в этом убедились, когда пришлось рецензировать учебное пособие для гуманитарных вузов «Мозаика культур» (М., 2006), подготовленное международным коллективом авторов, включая и российских (Кириченко 2007). Это был учебник, готовый к тиражированию, пронизанный русофобией, на стадии подготовки к печати получивший положительную рецензию от научной сотрудницы ИЭА РАН, что означало одно: она не опасалась тогда ни за свою репутацию, ни за что другое.

Вот на каких дрожжах выросли этнотренинговые методики тех лет, которые сегодня активно использует П. Зарифуллин. Национализм Зарифуллина – это антирусский, антиправославный национализм языческого толка, который заслуживает должного порицания и строгой научной оценки, сколько бы автор ни декларировал свою «солнечную русскость».

Современная политическая и социальная жизнь предполагает все большую упрощенность форм существования. И Россия, конечно, нуждается в единстве разных народов, ее населяющих. «Новыми скифами» ей предлагается до примитивности простой способ достижения этого единства: отказаться от своей идентичности, как к этому призывал еще А. Блок, и в одночасье стать «скифами», стереть свое прошлое (большевики не сумели или не успели), чтобы все стали равными в своей дикой простоте, но зато не в буржуазности и не в мещанстве.

Когда-то это цивилизационное единство достигалось сложной многовековой работой, сочетавшей естественный процесс культурно-хозяйственного освоения русскими всей территории с масштабной имперской государственной программой подключения «окраин» к центру: через создание сословных лифтов, через строительство социально ориентированной инфраструктуры и т.п. Сравнить «Русь сохи» с «СССР машиной» не стоит уже потому, что имперская Россия достигла бы не меньших успехов к середине XX столетия, чем СССР, но с меньшими затратами, человеческими и культурными потерями.

Из отечественной истории сегодня напрочь исключен фактор народного, естественного освоения русскими – как самым многочисленным народом, создавшим Российское государство, – всей территории страны. Мы не говорим уже о системной и разумной государственной политике, связывающей центр и «окраины». Русские разорваны в клочья советской политикой создания автономных государств (республик и проч.) на своей единой территории. Они живут там и сям по этим республикам, как правило, с правами меньшими, чем у титульной нации, много их за границей, далекой и близкой. В центре они тоже дезорганизованы и постоянно атакуются анклавно-диаспорным расселением так называемых *других*: китайцев, турок-месхетинцев, узбеков, таджиков, ненужных в своих республиках чеченцев, дагестанцев, обретающих сомнительную оседлость в пустыющих русских деревнях Тверской области цыган. В вымирающих селах Центральной и северной России пока еще сохраняется традиционная инфраструктура многовековой плотной и активной жизни: есть дороги, недалеко расположенные города, земля (еще недавно столь драгоценная), поэтому селиться здесь выгодно. Но русские внутри своей страны уже оторваны от церковного лона, да так, что даже сама Церковь, уже свободная от советского диктата, признает, что она отделена от государства, то есть и от народа. Церковь передает народ под опеку государству, ей, очевидно, хватает и той малочисленной паствы, которая сегодня ходит в храм по велению сердца. В результате отделения Церкви от государства и признания этого факта самой Церковью несвобода ее возросла на порядок, а православное население еще больше отделилось от Церкви. Русские в своей стране становятся «непонятно чем» уже не только с точки зрения этнографии, но и веры. И только этим можно объяснить появление такого персонажа, как П. Зарифуллин, «защитника русских» от них самих, с его антирусской идейной платформой «Новых скифов».

Старые скифы в 1918 г. опирались на русский народ, называемый ими «скифами», пугали им Европу,

грозили сделать революцию всемирной. Русский народ был огромной и цельной силой, его православие и делало эту главную гражданскую общность в стране сплоченной и монолитной массой, единой в духовном целеполагании и культуре. На кого опираются «Новые скифы»? Точно не на русский народ. Зарифуллин ездит туда, где живут большей частью мусульманские народы или нерусские с языческими корнями. Среди русских ему любезны сектанты, те казаки, которые не считают себя русскими, те поморы, которые просвещены современной северо-европейской, финской пропагандой. Везде и во всем он ищет всё отделившееся или могущее отделиться от Русского мира, православного в своей основе, и с ними ведет переговоры, проводит мероприятия – идейные практики. Но и с «твердыми» русскими идет просветительская беседа через книги и сайты. Эти русские приглашаются включиться в скифский мир на основе древнего русского язычества, а Ящером Яшей во главе.

У старых скифов и в мыслях не было копаться в душе народа, выискивая там архетипы «смерти». В лучшем случае буйная народная стихия подверстывалась к революции через народных бунтарей Разина и Пугачева. Об исторических скифах как предках русских впервые заговорил Иванов-Разумник, но и он представлял их как идеал, как этический и духовный образец для народа. При этом в самом движении народное «скифское» соседствовало с аристократическим «эллинским», не было противопоставления скифов Европе.

Основная задача «новых скифов» – возвращение с помощью мистических практик к древнему архетипу, как они его понимают. Отсюда вытекает и клеветническое навешивание Зарифуллиным русскому народу ярлыков – библейских имен Гога и Магога (*Зарифуллин* 2014: 407), отсюда привязка его идентичности к архетипам смерти и всякой духовной нечисти. Но чтобы вернуться к древнему прошлому, нужно как можно больше разрушить в настоящем все мешающее этому. Речь идет в первую очередь о духовных, религиозных скрепах, соединяющих «русскую веру». Без стеснения в книгах критикуется «никонианская церковь», «никонианская вера», патриарх называется пренебрежительно «Кирилл», о православных христианах говорится как о лунатиках, безумцах, слепых и недалеких людях, без царя в голове. Эта очевидная разрушительная деятельность имеет целью освобождение этнического цивилизационного поля России от доминирования русских и от православия. И это важная часть работы «Новых скифов».

Другое направление – подготовка кадров. В основе него лежит современный, светский вариант своего рода шаманистского акта – «тренинг этнической толерантности», позволяющий решать две задачи: старое зачеркнуть, а новое написать. Что не

исключает и чисто религиозных форм, использования шаманистских практик у тех народов, которые их не забыли. Неслучайно в программе «Новых скифов» говорится о целых народах, которым надо позволить жить в архаичном мире, так, как они хотят. Все, что делает сегодня движение «Новые скифы» и его основатель П. В. Зарифуллин, направлено на подготовку будущих масштабных идеологических преобразований в политической сфере России. Пока же идет организационная работа по ознакомлению общественности со «скифством», осуществляется активная *идейная практика*. Она состоит в проведении семинаров, конференций, этнотренингов, встреч с политиками, читателями, зрителями. Идейность уже сплелась в тугую сеть идейных практик, которые «Новые скифы» готовы превратить в идеологию. И это еще один путь, в отличие от пути неоевразийцев, которые идут от «знания», от просвещения политиков и руководителя страны их идеями. Путь «новых скифов» может оказаться более близким современной власти, которая держится за «советский строй» и «советское наследие», потому что здесь для идеологии открываются более ясные и, главное, короткие перспективы. Все будет зависеть от уровня благожелательности современной российской власти к модернизационному опыту советского прошлого. Если продолжится курс на апологетику советского строя, нам не миновать подключения к этому процессу и «Новых скифов», а затем и неоевразийцев с их геополитическими проектами, чуждыми России, но логичными в рамках абстрактного евразийского пространства. «Новые скифы» выступают в этом случае локомотивом движения страны в лоно новой идеологии.

У «Новых скифов» ясно просматривается эсхатологический аспект целеполагания, ориентация на появление какого-то сверхважного политического лица, наподобие Чингисхана, которое возьмет на себя функции третейского судьи над всем евразийским пространством. Без «лица» проект «Новых скифов» становится просто бессмысленным. Линия «скифов» формально ведет свой философский отсчет от Вл. Соловьева, но, судя по всему, где-то на пути (скорее всего, через А. Блока) произошло переформатирование идей и соловьевское наследие было замещено западным, идеями Ницше. Это есть уже у Блока, в еще большей степени у Иванова-Разумника, а уже у «Новых скифов», с их подпольной идеологией, эта ницшеанская платформа становится просто родной. Отсюда и склонность к сатанизму на фоне эсхатологических аллюзий. Еще А. Ф. Лосев утверждал, что соловьевские «Три разговора» суть разоблачение сатанизма не только К. Леонтьева (увлекавшегося ницшеанством), В. Розанова, но и Ницше, что соловьевский антихрист есть не

что иное, как «додумывание ницшеанского анти-абсолютизма до его логического конца» (*Тахо-Годи* 2005). А. Блок вслед за Ницше по-своему «додумал» эту тему, а за ним и «скифы», старые и новые. «Новые скифы» ставят во главу политической деятельности анархизм (*Зарифуллин* 2014: 145–151), также политическую форму антиабсолютизма.

Отсюда их ожидание Антихриста в рамках не христианской экклезиологии, а некоего светского политического и культурного знания. Так нам видится содержание и цель идейной практики и иде-

ологии «Новых скифов», только этим можно объяснить тот факт, что их основатель, при его политической ангажированности, выполняет свою политическую миссию с пророческим апломбом, с амбициями духовного провозвестника истин, касающихся всего человечества. Ему мало возглавлять быстро разрастающуюся тоталитарную секту, готовящуюся провозгласить новую идеологию взамен коммунистической, «старуха» захочет, очевидно, попросить у «русской Золотой Рыбки» стать владычицей морскою. Будем ждать окончания сказки Пушкина.

Примечания

¹ С этого началось их сознательное конструирование истории, славяне объявлялись народом, появившимся на исторической арене позже скифов, то есть здесь они выступают потомками славных скифов, хотя в реальной истории скифы пришли в Причерноморье, когда там уже жили праславяне.

² Будем опираться на данные с сайтов «Академик» (Академик 2010) и LiveLib (LiveLib 2021).

³ Сайт «Движение Новые скифы» <http://newskif.su/>; сайт «Белая Индия. Центр проективной этнопсихологии» <http://whiteindia.ru/>; сайт «Центра Льва Гумилева. Евразийство и скифство» <https://www.gumilev-center.ru/>

⁴ Аннотации книг П. Зарифуллина содержат, например, такие слова: «Павел Зарифуллин – пророк, путешественник, воин...» (*Зарифуллин* 2017: 4). Или: «Книга Павла Зарифуллина – это пророчество о скором возвращении Золотых Скифов и Солнечных Русских» (*Зарифуллин* 2014: 4).

⁵ Анты у автора тоже ираноязычное племя (мнение Г. Вернадского), хотя советские и российские археологи в большинстве своем считали их славянами, находящимися в тесном контакте со скифами.

Источники и материалы

IV съезд 2016 – ДА, СКИФЫ МЫ! IV съезд международного движения НОВЫЕ СКИФЫ. Москва, Россия

2016. Репортаж и речь Зарифуллина. 6 декабря 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=yyFLiQcQdnM>

LiveLib 2021 – Сайт «LiveLib» https://www.livelib.ru/author/311080-pavel-zarifullin?utm_source=livelib&utm_campaign=viewed&utm_medium=bottom&utm_content=author (дата обращения 21.10.2021)

Академик 2010 – Сайт «Академик». 2010 г. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/925003>

Гайсина 2015 – Гайсина Лилия. В Душанбе появились сподвижники Гумилева. Сайт «ASIA-Plus». 29 мая 2015.

<https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20150529/v-dushanbe-poyavilis-spodvzhniki-gumileva>

Зарифуллин 2021 – Зарифуллин П. Программа Международного общественного Движения «Новая Евразия». Сайт «Центр Льва Гумилева. Евразийство и скифство». 22.06.2021. <https://www.gumilev-center.ru/programma-mezhdunarodnogo-obshhestvennogo-dvizheniya-novaya-evraziya/>

Зарифуллин 2014 – Зарифуллин П. Новые Скифы: Статьи, эссе. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2014.

Зарифуллин 2015 – Зарифуллин П. Русская сакральная география: Статьи, эссе. Изд. 2-е доп. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2015.

Зарифуллин 2017 – Зарифуллин П. Белая Индия. Поиски Царства Пресвитера Иоанна: Статьи, эссе. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2017.

Зарифуллин 2018 – Зарифуллин П. Воля и Красота. К столетию «Скифов» 1917–1918 гг. // Скифы: сборник. СПб.: ООО ТД «Современная интеллектуальная книга», 2018. С. 5–18.

Къырым бирлиги 2015 – Пресс служба РОО «Къырым бирлиги». «Евразийцы у Крымских татар». Сайт «Центр Льва Гумилева. Евразийство и скифство». 25 авг. 2015 г. <https://www.gumilev-center.ru/evrazijcy-u-krymskikh-tatar/>

Мамлеев 2017 – Мамлеев Ю. В. Воспоминания. М.: Издательская группа Традиция, 2017.

Презентация 2021 – Захар Прилепин и Павел Зарифуллин. Презентация книг. Сайт «Дом Книги Молодая Гвардия». 01.06.2021. <http://m.dkmg.ru/meetings/zakhar-prilepin-prezentatsiya-spetsialnogo-izdaniya-obitel>

Съезд-курултай 2021 – Пресс-служба Евразийского Центра им. Л. Гумилева. Евразийцы и скифы провели на Алтае съезд-курултай. Сайт «Движение Новые скифы». 8.10.2021. <http://newskif.su/2021/6311/>

Тихомиров 1889 – Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером. Женева, 1889.

Турай 2016 – Турай Егор. Новые скифы и учение Николая Рериха. Сайт «Центр Льва Гумилева. Евразийство

и скифство». 16.11.2016. <https://www.gumilev-center.ru/novye-skify-i-uchenie-rerikha/>
 Ширяев 2017 – Ширяев Б. Неугасимая лампада. Изд. Соловецкого монастыря, 2017.

Научная литература

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017.

Кириченко О. В. Рецензия на учебное пособие по истории и обществознанию для средней школы «Мозаика культур». Авторы В. Шаповал, И. Уколова, О. Стрелова, С. Яловицына, М. Ерохина, И. Хромова, А. Цуциев, Ю. Кушнерева, Л. Гагагова; под ред. А. П. Шевырева, Т. Н. Эйдельман. М., 2005 // Традиции и современность. 2007. № 6. С. 146–158.

Кириченко О. В. Толерантность как религиозная и нравственная проблема современности // Традиции и современность. 2006. № 5. С. 15–40.

Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М., 2004.

Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М.: Молодая гвардия, 2000.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

Тахо-Годи Е. Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А. Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века / Лосевские чтения / отв. ред. А. А. Тахо-Годи, сост. Е. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 214–220.

References

Bakhtin, M. M. 2017. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's works]. In *Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Izdatel'stvo «E».

Kirichenko, O. V. 2007. Retsenziia na uchebnoe posobie po istorii i obshchestvoznaniuu dlia srednei shkoly «Mozaika kul'tur». Avtory V. Shapoval, I. Ukolova, O. Strelova, S. Ialovitsyna, M. Erokhina, I. Khromova, A. Tsutsiev, Yu. Kushnerova, L. Gatagova; pod red. A. P. Shevyreva, T. N. Eidel'man [Review of Textbook on history and social studies for secondary school «Mosaic of Cultures», by V. Shapoval, I. Ukolova, O. Strelova, S. Yalovitsyna, M. Erokhina, I. Khromova, A. Tsutsiev, Yu. Kushnerova, and L. Gatagova, edited by A. P. Shevyreva and T. N. Eidelman]. *Traditsii i sovremennost'* 6: 146–158.

Kirichenko, O. V. 2006. Tolerantnost' kak religioznaia i nravstvennaia problema sovremennosti [Tolerance as a religious and moral problem of our time]. *Traditsii i sovremennost'* 5: 15–40.

Lebedeva, N. M., O. V. Luneva, and T. G. Stefanenko. 2004. *Trening etnicheskoi tolerantnosti dlia shkol'nikov* [Ethnic tolerance training for schoolchildren]. Moscow.

Losev, A. F. 2000. *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Soloviev]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Rybakov, B. A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Nauka.

Takho-Godi, E. 2005. Traditsii «Treh razgovorov» Vl. Solov'eva v proze A. F. Loseva [Traditions of «Three Conversations» Vl. Soloviev in the prose of A. F. Losev]. In *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebriannogo veka / Losevskie chteniia* [Vladimir Soloviev and the culture of the Silver Age / Losev readings], edited by A. A. Takho-Godi and E. Takho-Godi, 214–220. Moscow: Nauka.

SOCIAL AND POLITICAL MOVEMENT «NEW SCYTHIANS» IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the history of the formation and functioning of the social and political movement «New Scythians», which arose in the early 2010s on an ideological platform close to the Eurasians and neo-Eurasians. The movement was headed by one of the members of the youth wing of the Eurasianists P.V. Zarifullin, he also became its main ideological inspirer. «New Scythians» rely on the legacy of L. N. Gumilyov, but they take as a starting point not the steppe inhabitants in general (Turks, Mongol tribes, etc.), but the ancient Scythians. Therefore, they see their ideological task in changing the vector of Russian history, instead of the Proto-Slavic basis, they turn to the Old Scythian one. Analyzing the main written works of Zarifullin, as well as taking into account his video performances, the author of the article comes to the conclusion that para-religious methods, close to sectarian ones, are used to attract like-minded people. The movement has a destructive character, in the ideological baggage of its founder there is a lot of Russophobia, anti-church (against Orthodoxy) statements, and in general, this utopian project presupposes the ideological liberation of the territory from all existing historical heritage.

Key words: social and political movement, «New Scythians», P. V. Zarifullin, Eurasianism, neo-Eurasianism, L. N. Gumilyov, para-religious activity, sectarianism, historical and ethnic radicalism.